

ством Л. П. Репиной, в Ставрополе, Перми и других региональных центрах. Это в целом знаменовало возрождение в 1990-е гг. в отечественной науке герменевтического направления исторических исследований. Можно говорить о возобновлении дореволюционных традиций школы А. С. Лаппо-Данилевского, И. М. Гревса, Л. П. Карсавина, О. А. Добиаш-Рожественской. В Екатеринбурге организационное начало было положено межкафедральным семинаром 2002 г. под руководством В. А. Бабинцева и В. В. Высоковой. И уже в 2003 г. был подготовлен первый выпуск серии «Интеллектуальная история» альманаха «*Imagines mundi*», где были помещены переводы небольших работ признанных представителей интеллектуальной истории в западной историографии Джейн Каплан и Питера Берка. В мае 2005 г. была проведена конференция «Интеллектуальная история: метод и перспективы». Итоги конференции позволили оценить состояние исследуемого направления метафорой «вавилонская башня». Однако определились три взаимодополняющих точки зрения: интеллектуальная история — это 1) история интеллектуалов, 2) социальная история идей, 3) история человеческого сознания. Конференция 2007 г. «Интеллектуальная культура исторической эпохи» собрала широкий круг единомышленников юбиляра и позволила уточнить предмет внимания интеллектуальной истории — духовный мир человека.

Хотелось бы пожелать Владимиру Алексеевичу новых трудов, талантливых учеников и надежных соратников.

В. В. Высокова

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

«ДУХ ОБЩЕСТВА» ЖАКЛИН ЭЛЬГУАРК

(*Hellegouarc'h J. L'Esprit de societe. Cercles et "salons" parisiens au XVIII siecle. P.: Garnier, 2000. — 524 p.*)

Эпоха Просвещения и идейные истоки Революции — одна из тем нынешних размышлений французских историков. Здесь, вероятно, не обошлось без влияния Ф. Фюре, который в свой

книге «Постижение Французской революции» открыл для всех О. Кошена — почти полностью забытого исследователя рубежа XIX — XX вв. Интеллектуальная культура тех времен, когда возникла мысль о современной демократии, основательно изучена Р. Дарттоном, Р. Шартье, М. Озуф, Д. Рошем, М. Марионом, Э. Годо и многими другими; эта тема стала чуть ли не общим местом. Если 30—40 лет назад, когда речь заходила о правлении Людовика XV, на ум приходили в первую очередь имена Флэри, Машо, Сартина, Шуазеля или Помпадур, то теперь скорее вспоминаются хозяйки аристократических салонов — де Жоффрен, де Леспинасс и Дю Деффан. Их имена на слуху у каждого, кто хоть сколько-то интересовался французской историей XVIII в.. Но вовсе не каждый сумеет ответить, что именно происходило в изящных салонах, какие слова говорили участники, как разгорались их споры и что подавали на ужин. Этот-то пробел как раз и заполняет книга Ж. Эльгуарк, профессора Сорбонны.

Перед нами произведение оригинального жанра: отнюдь не монография, несмотря на серьезный научный аппарат, и не популярная книжка, несмотря на легкость чтения. Это выборка отрывков из источников, сгруппированных по салонам, которые они иллюстрируют, снабженная небольшими комментариями. Автор предисловия академик М. Фюмароли очень лестно отзывается об этом подходе, называя его «честным, смелым и оригинальным историческим описанием», и отмечает полифоничность получившегося рассказа, в котором составительница остерегается перебивать тех, чьи голоса она оживила, и придавать им свои собственные взгляды (*р. ХII*). Ж. Эльгуарк в начале книги отмечает, что отнюдь не претендует на систематическое исследование салонов. «Мы выбрали свидетельства, которые показались нам наиболее достоверными и живыми, не пренебрегли и противоречивыми суждениями: пересекающиеся взгляды друзей и врагов дают нам наиболее точный взгляд», — говорит автор (*р. 35*).

Больше всего «любит» Ж. Эльгуарк «Мемуары» Мармонтеля: этот мыслитель отметил своим вниманием почти все салоны XVIII в. Обильно цитируются баронесса д'Оберкирх и художница Виж-Лебрэн. А вот знаменитые «Эссе воспоминаний» г-на Сюа-

ра и «Историю салонов» герцогини Абратнес автор почти не использует, считая их слишком туманными (р. 36).

Помимо предисловия и введения, в котором освещаются наиболее общие свойства салонной жизни (тоже через подборку источников), книга включает четыре раздела. Первый посвящен наиболее известным, «образцовым» салонам, среди которых кружки м-м Тансен, Жоффрен, Деффан, Неккер, собрания у Гельвеция и Гольбаха. Вторая часть носит название «Салоны вне нормы». Здесь говорится о кружках таких удивительных личностей, как смертельно больной и невероятно богатый финансист Н. Божон, дававший пышные обеды, между тем как сам мог есть лишь пресную похлебку; дочь Жоффрен маркиза ля Ферте-Эмбо, противница философов; эксцентричный сын откупщика Гримо де ля Реньер, устроивший однажды собственные похороны, и т. д. В третьем разделе освещаются кружки, имевшие сословный, классовый или профессиональный характер: таковы общества художницы Виже-Лебрен и поэтессы Ф. де Богарне или, к примеру, буржуазные салоны Аренк и де ля Поплиньера. Четвертый раздел повествует о кружках эпохи Революции. Хозяйками их были госпожа Гельвеций, госпожа де Сталь и госпожа де Кондорсе. В конце даются еще несколько отрывков, относящихся к третьестепенным салонам. Следует отметить, что при выборе кружков, «достойных» освещения, автор придерживалась следующего принципа: главными салонами она сочла те, которые называли таковыми современники.

Определенное внимание в книге уделено вопросу терминологии. Так, благодаря Ж. Эльгуарк мы узнаем, что слово «салон» в значении интеллектуального кружка возникло только 1783 г., т. е. тогда, когда само это явление уже прошло эпоху своего расцвета. В конце книги автор приводит еще ряд названий для подобного собрания: кружок, компания, общество, академия, умственное бюро, — сопровождая их определениями, данными современниками.

Порой мы встречаемся с непрофессиональными историческими исследованиями, где автор, не будучи в состоянии обобщить некие сведения, выделить главное и четко изложить свои мысли по по-

воду какого-либо явления, просто цитирует источники к месту и не к месту, целыми страницами. Читателя подобное нередко утомляет. Рассматриваемая нами книга — иного класса. Ж. Эльгуарк откровенно говорит о том, что ее книга — это сборник, а не монография. Автор не стремится доказать какую-либо мысль и намеренно сталкивает точки зрения современников событий. Ее книга не сшитые кое-как лоскуты разрозненных свидетельств, а мозаика, построенная точно и со вкусом. Думается, что такая форма подачи наиболее выигрышна для данного материала, отличающегося большим разнообразием и индивидуальностью. В пересказах даже подвергнутые неизбежным обобщениями записки персонажей света друг о друге неизменно потускнели б.

Несмотря на то, что книга Ж. Эльгуарк на первый взгляд свободна от любого теоретизирования, в ней четко проявляются новейшие тенденции в исследованиях века Просвещения. Прежде всего, это стремление описывать «галантный век» сам по себе, вне связи с грядущей Революцией, без постоянных поисков зачатков буржуазных отношений и демократических воззрений. Наряду с кружками, где действительно активно обсуждались политические темы и велись беседы вольнодумцев, автор освещает и жизнь обществ театральных, артистических, совсем аполитичных или даже ретроградных. Кроме того, следуя и голосу источников, и духу современной историографии, Ж. Эльгуарк не прерывает свою книгу (чьи хронологические рамки это 1720—1790-е гг.) на моменте Революции. Такое решение вполне соответствует довольно популярной мысли о преемственности между старым и новым порядком.

Книга Ж. Эльгурк — это не только описание салонов. Это еще и реконструкция всего высшего света XVIII в. — персонажей и их сложных отношений. Мы, к примеру, выясняем, что жену откупщика ля Попленьера посещал любовник, приходивший к ней сквозь дверь в камине (р. 358), или что мадам Гельвеций содержала восемнадцать кошек, тщательно одетых ради сохранения их шерстки и, конечно, мягкой мебели (р. 413—414). Составитель стремится оживить атмосферу века Просвещения.

В России уже появляются книги подобного жанра (коллективный портрет некой группы, которая характеризует себя сама, при минимальном участии составителя). В качестве примера можно упомянуть работу А. Сидякиной «Маргиналы» об уральских поэтах эпохи застоя (Челябинск, 2004). Хотелось бы, чтобы подобных трудов выходило побольше.

М. Ю. Чепурина

**«РОЖДЕНИЕ ЧИСТИЛИЩА»
ЖАКА ЛЕ ГОФФА — КЛАССИЧЕСКИЙ ТРУД
ПО ИСТОРИИ ВООБРАЖАЕМОГО
(*Le Goff J. La naissance du purgatoire. Gallimard,
1981*)**

В издательстве «У-Фактория» готовится к выходу в свет русский перевод книги Жака Ле Гоффа «Рождение чистилища» (Галлимар, 1981). Это работа выдающегося современного французского историка, созданная в период творческого рассвета и ставшая классикой в жанре истории воображаемого. «Рождение чистилища» посвящено одному из важнейших моментов ментальной революции католического Средневековья — переходу от древней дуалистической системы (ад — рай) к тройственной (включая чистилище) системе представлений о загробном мире. Этот сдвиг стал одним из великих эпизодов в духовной и социальной истории Запада.

Книгу открывает великолепный лаконичный обзор образов потустороннего мира, сложившихся в докатолические времена: индийских, иранских, египетских, греческих, римских, иудейских и т. д. Отталкиваясь от античности, Ле Гофф детально проследил линию чистилища в догматическом развитии католического учения вплоть до XII в., который он определяет как век рождения чистилища, и последующую канонизацию идеи на церковных соборах. «Истинным отцом» чистилища, по Ле Гоффу, является св. Августин (в православии — Блаженный Августин), он уже в начале V в. писал: «Мы молимся за пребывающих в Чистилище добрых